

ВОСТОК

Афро-азиатские общества: история и современность

1991

5

Выходит 6 раз в год

Основан в январе 1955 г.

В 1955—1958 гг. выходил под названием «СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

В 1959—1961 гг. выходил под названием «ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ»

В 1961—1990 гг. выходил под названием «НАРОДЫ АЗИИ И АФРИКИ»

Р е д к о л л е г и я

Л. Б. АЛАЕВ
главный редактор
Ю. Г. АЛЕКСАНДРОВ
В. М. АЛПАТОВ
В. И. БРАГИНСКИЙ
А. М. ВАСИЛЬЕВ
В. И. ГЛУНИН
А. В. ГУДЫМЕНКО
зам. главного редактора
А. Б. ДАВИДСОН
А. А. КУЦЕНКОВ
Б. А. ЛИТВИНСКИЙ
А. В. МЕЛИКСЕТОВ
А. М. МОДЕЛЬ
отв. секретарь
Н. И. НИКУЛИН
Э. Е. ОБМИНСКИЙ
Ю. М. ОСИПОВ
И. В. СЛЕДЗЕВСКИЙ
В. Г. ХОРОС
Г. И. ЧУФРИН
В. Л. ШЕЙНИС
Ф. Н. ЮРЛОВ
В. А. ЯКОВСОН

Р е д а к ц и я

В. В. ЗУФАРОВА
Л. С. КАЛЕНОВА
ред. отдела культуры и идеологии
Р. Г. КАНТОРОВИЧ
ред. отдела критики и библиографии
А. Б. КОВЕЛЬМАН
ред. отдела истории
С. С. НИКИФОРОВА
ред. отдела «Научная жизнь»
Н. Г. САБУРОВА
В. Н. СОКОЛОВА

Технический редактор

Г. А. НИКИТИНА

Москва

«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

УЧЕНЫЕ И ВЛАСТЬ

В. В. БАРТОЛЬД О НАЦИОНАЛЬНОМ РАЗМЕЖЕВАНИИ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Знакомство с архивом акад. В. В. Бартольда убеждает, что, несмотря на издание девятитомного Собрания сочинений выдающегося русского востоковеда, осталось неопубликованным большое количество материалов из его творческого наследия. Все эти материалы, как отметила исследовательница творчества В. В. Бартольда Н. Н. Туманович, с одной стороны, позволяют заглянуть в творческую лабораторию ученого, с другой — оттеняют те или иные стороны его деятельности¹.

Одной из таких работ, до сих пор не опубликованной, но, безусловно, заслуживающей внимания, является «Записка по вопросу об исторических взаимоотношениях турецких и иранских народностей Средней Азии».

«Записка» сохранилась на четырех листах машинописного текста в двух экземплярах. Судя по тексту, она, видимо, была два раза отпечатана на машинке, причем тексты почти идентичны. Оба экземпляра представляют собой копии, тогда как беловые страницы отсутствуют. Можно предположить, что эти страницы были отправлены В. В. Бартольдом по назначению, а копии остались. По мнению Н. Н. Туманович, «Записка» была написана ученым по правительственному запросу в связи с подготовкой национально-территориального размежевания в Средней Азии в 1924 г.² Однако представляется все же, что «Записка» была написана позже, во всяком случае не ранее конца 1924 г., уже после проведения национально-территориального размежевания, поскольку в ней, по сути, анализируются его результаты. Так, В. В. Бартольд отмечает, что после размежевания административным центром Восточной Бухары стал Дюшамбе, тогда как до этого, на протяжении веков, центром этого края был Гиссар. Можно предположить, что «Записка» была как бы «актом независимой экспертизы», сделанной В. В. Бартольдом по запросу руководства страны. Таким образом, ее можно рассматривать как оценку В. В. Бартольдом проведенного в 1924 г. национально-территориального размежевания.

«Записка», видимо, легла в основу написанного им в 1925 г. исторического очерка «Таджики», в котором не только сохранена главная мысль «Записки» о своеобразии среднеазиатского региона, заключающемся в равноправном соединении нескольких этносов в одном политическом образовании, но и имеются прямые текстовые совпадения, цитаты из «Записки».

В настоящее время в Средней Азии, как и во всей стране, наблюдается резкое обострение межнациональных отношений. Причем в основе конфликтов зачастую лежат территориальные претензии республик друг к другу. Раздаются призывы пересмотреть границы, для чего предпринимаются попытки доказать необходимость обращения к древней и более близкой к нам истории. Очевидно, что такого рода конфликты обусловлены либо нечеткостью, недостаточной определенностью границ, как это можно наблюдать во взаимных претензиях Таджикистана и Кыргызстана (Исфаринско-Баткенский конфликт), либо представлениями об их изначальной неправильности (конфликт вокруг НКАО, споры по поводу Бухары и Самарканда).

Все это заставляет обратиться к истории, в частности к начальному этапу становления советской государственности. В среднеазиатском регионе точкой отсчета можно считать национально-территориальное размежевание 1924 г. Это огромной важности событие для судеб народов Средней Азии широко освещено в специальной и популярной литературе. Однако, несмотря на большое количество трудов, посвященных размежеванию, многое из происшедшего тогда до сих пор остается неизвестным. Данное обстоятельство уже отмечалось историками. Так, Р. М. Масов пишет: «Совсем не исследована проведенная партийными и советскими органами подготовительная работа по определению территориальных границ, численного состава, компактного расположения народов, подлежащих объединению в самостоятельные советские социалистические союзы и автономные республики и области. Кроме того, имеются и другие немаловажные вопросы, требующие тщательного и всестороннего исследования. Так, например, не выяснено, какой критерий являлся определяющим для включения того или иного населенного пункта в состав вновь образованных республик, как проходил процесс выяснения других факторов, при этом

¹ Н. Н. Туманович. Обзор фонда академика В. В. Бартольда в Архиве АН СССР. — Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980, с. 257.

² Н. Н. Туманович. Описание архива академика В. В. Бартольда. М., 1976, с. 257.

учитывались ли объективно экономические, исторические, национальные и другие особенности и были ли приняты во внимание интересы каждой национальности»³.

Кроме этих вопросов, в исторических работах, посвященных исследованию событий, происходивших в то время, весьма невразумительно говорится о спорах по территориальным вопросам, разгоревшихся накануне и во время территориально-национального размежевания. Известно, что существовали идеи сохранения Хорезма и Бухары как отдельных государственных образований. Было и предложение создать Среднеазиатскую федерацию (САСФСР). Любопытно, что А. Ходжибаев, ставший после территориально-национального размежевания Председателем Совета Народных Комиссаров Таджикской АССР, резко критиковал пантюркистов и утверждал в противовес им, что таджики — вовсе не исчезающий народ, подверженный скорой ассимиляции узбеками. Тем не менее он считал, что необходимо создать Таджикско-Узбекскую республику, государственными языками в которой были бы таджикский и узбекский. В этой связи хотелось бы привлечь внимание читателей к мнению акад. В. В. Бартольда по этому вопросу.

Влияние конфессионального фактора на политические структуры освещалось во многих работах ученого. Это весьма важный момент, так как при определенных условиях сознание индивидуума, принадлежащего к этносу, обладающему политической культурой, тяготеет к осознанию принадлежности к суперэтнической общности, чаще всего конфессиональной. Этот вопрос В. В. Бартольд проанализировал глубоко и оригинально в ставших классическими работах «Халиф и султан»⁴, «Теократическая идея и советская власть»⁵. Рассуждая о соотношении власти и ислама, В. В. Бартольд выделяет следующие доминанты политической культуры мусульманского мира, способствовавшие разграничению людей именно по конфессиональному принципу, а следовательно, по противостоянию разноконфессиональных государственных образований: подчеркнута теократический характер политической организации мусульманского государства, сочетание в лице правителя политического руководителя и главы религиозной общины, универсалистские тенденции к противопоставлению мусульманской общины в целом, как единого организма, всем иноверным общностям этнокультурного и политического характера. Однако примат конфессионального над национальным был свойствен определенной стадии социально-экономического развития и размывался на протяжении всего средневековья, хотя и не утрачивал до конца своего значения. Это подтверждается тем фактом, что вплоть до 1921 г. местное население Туркестанской республики на вопрос о национальности отвечало: «мусульманин»⁶. По указанию I Всероссийского съезда мусульман-коммунистов (ноябрь 1918 г.) были даже созданы Мусульманское бюро при крайкоме и мусульманская секция внутри ВКП(б)⁷. Факт положительного вначале отношения к коммунистам, исповедовавшим ислам, во многом, думается, объясняется не только гибкой политикой большевиков, учитывавших своеобразие местных условий, и не только сложившимся за время колониального владычества России противопоставлением православной метрополии мусульманской колонии, но и сохраняющимся приматом конфессионального над национальным, что отразилось в спорах по поводу организации мусульманской армии. В этой связи М. В. Фрунзе писал В. В. Куйбышеву и Ф. Ф. Новицкому: «Никакого отдельного штаба и никакой мусульманской армии не должно быть, по этому вопросу еще раз обмениваемся мнениями. Обменивались мнениями с Ильичем, и никаких разговоров быть не может. Формирование туземной армии, конечно, допустимо, но не по вероисповеданию, а по принципу национальному»⁸.

Однако сознание принадлежности к конфессиональной суперэтнической общности уступало место национальному сознанию и на Востоке. В наиболее развитых странах мусульманского Востока панисламизм уже в середине и в конце XIX в. сосуществовал с национальными движениями. Так, в Турции еще до младотурецкой революции 1908 г. наряду с панисламизмом существовал османизм, а после революции на первый план вышли тюркизм (тюркчюлюк), с ответвлениями — халкчыллы (народничество), тюркгеджиллик (тюркизм в языке), пантюркизм, пантуранизм.

В данном контексте нас больше всего интересуют османизм, пантюркизм и пантуранизм. Согласно убеждениям таких крупных деятелей османизма, как Мидхат-паша, «новых османов» Намык Кемали и Шинаси, все подданные империи объявляются «османами» без различия исповедания и национальной принадлежности. Позже идеология османизма стала прикрытием для насильственной ассимиляции нетурецких народов империи⁹. Пантюркизм представлял собой течение, провозглашавшее «объединение» всех тюркоязычных народов, вплоть до создания «Великого Турана» (пантуранизм). Исследовательница османизма Э. Ю. Гасанова считает, что османизм возник как порождение турецкого буржуазного либерализма, но главным образом как реакция на национально-освободительное движение нетурецких народов Османской империи¹⁰.

³ Р. М. Масов. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане. Душанбе, 1988, с. 185.

⁴ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 6. М., 1966, с. 15—72.

⁵ Там же, с. 303—319.

⁶ И. Келдиев. Фарқоми худношиноси (Результат самонепознания). — Садои Шарк. 1989, № 7, с. 96.

⁷ История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967, с. 339.

⁸ Там же, с. 400.

⁹ Uriel Heyd. Foundations of Junkish Nationalism. L., 1950, p. 73.

¹⁰ Э. Ю. Гасанова. Общественная мысль в Турции в период буржуазной революции 1908 г. — Современная философская и социологическая мысль стран Востока. М., 1965, с. 221; она же. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908—1911). Баку, 1966, с. 34.

Думается все же, что кроме этих факторов большую роль в широком распространении османизма сыграло то обстоятельство, что турки, как и другие народы Востока, еще не сложились в нацию.

Видимо, во многом благодаря этому обстоятельству внутренне близкие османизму решения национального вопроса были популярны и в Средней Азии, и в других странах Востока, например в Афганистане. Сопоставление Средней Азии с Афганистаном дает обширный материал для размышлений. Как и Средняя Азия, Афганистан населен различными племенами и народностями — двадцатью, согласно данным американского исследователя Дюпри¹¹. В их числе — ираноязычные таджики, пуштуны, хазарейцы, тюркоязычные узбеки, киргизы, туркмены, индо-язычные сикхи, пенджабцы, белуджи, дравидоязычные брагуи, дардиязычные кухистанцы и др. Среди народов, живущих в Афганистане, широкое распространение получили различные типы культурно-хозяйственной деятельности. Сближают Среднюю Азию и Афганистан и многие другие факторы: наличие гор, взаимодействие кочевого и оседлого населения, сходные типы ведения сельского хозяйства (орошаемое земледелие).

Тесно связаны народы Средней Азии и Афганистана исторически. На протяжении многих веков они входили в одни государственные образования (государство Саманидов — IX—X вв., империя Газневидов — XI в., империя Тимуридов — XIV—XV вв.) или же, находясь в пределах разных государств, тесно взаимодействовали друг с другом. Кроме того, так же как и в Бухарском эмирате, в Афганистане, несмотря на политическую власть, принадлежащую пуштунам вплоть до 1936 г., единственным государственным языком, языком делопроизводства, науки и культуры был дари (таджикский). (Ср. с отмеченным В. В. Бартольдом в «Записке» обстоятельством, при котором при наличии тюркской политической власти языком государственности и культуры был таджикский.) Думается, что к началу XX в. народы Средней Азии и Афганистана находились приблизительно на сходной ступени развития. Учитывая все изложенное, наблюдения В. В. Бартольда о том, что национальный фактор играл малосущественную роль в политической жизни страны, можно считать во многом справедливыми и для Афганистана. Так, в сочинениях главы младоафганского движения Махмуда Тарзи (1865—1933) проводится мысль о том, что понятие «афганская нация» должно включать все народы и народности, населявшие Афганистан¹². Причем идея единства, проповедовавшаяся М. Тарзи, во многом основывалась на учении Джамал ад-Дина Афгани — идеолога панисламизма. Афгани особо подчеркивал, что «только на основе союза и единства афганский народ поднял знамя независимости»¹³. Идея единства афганского народа базируется на идее единства всех исламских народов, являвшейся центральной для мировоззрения Афгани¹⁴. Таким образом, и в данном случае конфессиональный фактор выходит на первый план. Причем здесь сказались еще одна особенность ислама. В нем с самого начала была заложена идея государственности как общности религиозной¹⁵. Как пишет М. Т. Степаняц в отношении Арабского халифата, «абсолютизация принципа общности людей на основе веры на протяжении последующей истории ислама позволила оправдывать консолидацию этнически разнородных групп населения в пределах одной империи»¹⁶. Таким образом, примат конфессионального над национальным предполагал и примат государственного над национальным, что ярко отразилось во взглядах Афгани и следующих за ним в этом вопросе младоафганцев. Эти установки были положены в основу национальной политики Амануллы-хана, согласно которой афганская нация должна быть единой и включать в себя все народы и племена, населяющие Афганистан (ср. с османизмом в Турции). При Надир-шахе и его преемниках коренного изменения во взглядах на национальный вопрос не произошло, хотя под прикрытием лозунга «Единый и неделимый Афганистан» пуштунизация усиливалась. Такая политика в условиях растущего национального самосознания народов Афганистана порождала недовольство. Так, в 60—70-х годах существовала партия «Ситами милли» («Угнетение наций»), выражавшая интересы непуштунской части населения Афганистана. Саурская революция 1978 г. провозгласила среди других свобод свободу и равенство всех народов. Появились периодические издания на языках народов Афганистана (кроме государственных пушту и дари), велась передача на радио, было разрешено преподавание на родном языке, однако позиции в национальном вопросе существенно не изменились. По-прежнему государственное превалировало над национальным. Следование идеям младоафганцев снимало вопрос о какой-либо автономии для народов и со временем стало прикрытием для пуштунизации. Такой вариант решения национального вопроса — объединение всех народов и народностей на базе исторически сложившейся государственности под флагом единства и неделимости Афганистана — был и остается источником дополнительной напряженности в стране.

¹¹ Louis Dupree. Afghanistan. Princeton — New Jersey, 1973, p. 57—65.

¹² Макалат и Махмуд Тарзи дар «Сирадж ал-Ахбар и афгания». (Статьи Махмуда Тарзи в журнале «Сирадж ал-Ахбар и афгания»). Кабул, 1977, с. 343—344.

¹³ Цит. по: М. А. Хуеиани. Хаят-и Сейид Джамал ад-Дин Афгани (Жизнь Джамал ад-Дина Афгани). Кабул, 1939, с. 100.

¹⁴ Подробно см.: Абу Руйа Махмуд. Мубариза-и Сейид Джамал ад-Дин Афгани (Борьба Джамал ад-Дина Афгани). Кабул, 1962; Ресалаха-и маколат дар барои Сейид Джамал ад-Дин Афгани (Статьи о Джамал ад-Дине Афгани). Кабул, 1977; Х. Назаров. Омолу афкори Саид Чамоллидини Афгани (Идеи и деятельность Джамал ад-Дина Афгани). Душанбе, 1981; и др.

¹⁵ Эта идея легла в основу официальной идеологии Пакистана и наиболее яркое выражение нашла в знаменитом маснави Икбала «Иносказание о самоотречении» («Румуз-и бихуди»).

¹⁶ М. Т. Степаняц. Мусульманские концепции в философии и политике XIX—XX вв. М., 1962, с. 110.

Этот краткий экскурс в историю национального вопроса в Афганистане важен с точки зрения оценки решения национального вопроса в Средней Азии, о чем говорится в «Записке» В. В. Бартольда. Думается, идеи сохранения Бухары и Хорезма в качестве отдельных государственных образований, а также идея создания Среднеазиатской федерации генетически близки младоафганским взглядам на национальный вопрос.

Однако национальное строительство в Средней Азии базировалось на иных принципах, которые, как отмечал В. В. Бартольд в начале «Записки», были чужды историческому развитию среднеазиатских народов и были восприняты под влиянием «общей европеизации Востока». Представляется, что перенос европейских принципов построения государственности был связан с некоторыми теоретическими установками партии в то время. Уверенное в том, что можно построить новое, социалистическое общество на любой почве, на любой стадии социально-экономического развития, включая феодализм и патриархально-общинный строй, что, по существу, и явилось содержанием концепции некапиталистического пути развития, руководство страны положило национальный принцип, выработанный капиталистическим Западом, в основу государственности в Средней Азии. Все это зиждилось на уверенности, что в результате строительства социализма должны сложиться социалистические нации и тогда принцип национального самоопределения, а также национальный принцип как основа государственности были бы залогом действительного равноправия и расцвета всех наций. К сожалению, процесс сложения наций не завершился и по настоящее время. Это обстоятельство, а также то, что после В. И. Ленина сформировался тоталитарный режим, с присущей ему националистической идеологией, во многом способствовало перекосам национальной политики в нашей стране, и в частности в Средней Азии, что порождало и порождает конфликты на национальной почве. Определенный «вклад» в них вносят и ученые, пытающиеся скорректировать историю в соответствии с нынешней конъюнктурой.

«Записка» В. В. Бартольда, этот небольшой документ, написанный во времена, близкие территориально-национальному размежеванию и дополненный нашим знанием последующей истории, может служить основой для размышлений, отнюдь не исчерпанных этими заметками.

© 1991 М. ОЛИМОВ

ЗАПИСКА АКАДЕМИКА В. В. БАРТОЛЬДА
ПО ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ТУРЕЦКИХ
И ИРАНСКИХ НАРОДНОСТЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ *

Национальный принцип в том виде, как он был проведен в жизнь при национально-государственном размежевании Средней Азии в 1924 г., был выработан западно-европейской историей XIX века и совершенно чужд местным историческим традициям. В полном противоречии с этими традициями находится, напр., факт уничтожения Хорезма как политической единицы. Хорезмийский язык и хорезмийская национальность исчезли, по всей вероятности, в XIII в.; но Хорезм и потом упорно отстаивал и после временного нарушения быстро восстанавливал свою политическую обособленность, опираясь, по-видимому, на свои, совершенно отличные от соседних стран, бытовые условия. Даже вражда между узбеками и туркменами, часто выражавшаяся кровавыми событиями, не приводила к мысли о разделении Хорезма.

Сравнительно мало отразились на политической жизни Средней Азии национальные различия между турками ** и иранцами. Наиболее резко выраженное разграничение этих двух элементов существовало в первые века ислама, когда приблизительно совпадали этнографическая граница между иранцами и турками, хозяйственная между областью земледелия и областью кочевой жизни, религиозная между областью ислама и немусульманскими странами, политическая между Арабским халифатом и не подчиненными ему областями. Уже тогда это разграничение нарушалось такими фактами, как движение турок на юг и основание иранцами земледельческих и торговых колоний на севере, подчинение турок влиянию ислама и иранско-мусульманской культуры, как материальной, так и духовной, и подчинение иранцев влиянию турецкого языка.

В конце X в. к туркам переходит политическая власть, и с тех пор одни политические образования турецкого происхождения сменяются другими; но эти политические образования, даже в новейшее время, часто были иранскими, если не по языку массы населения, то по языку государственности и культуры. Среди новейших узбекских ханств в Бухарском настолько преобладал таджикский элемент,

* Архив АН СССР, ф. 68. Бартольд Василий Владимирович, оп. 1, ед. хр. 85.

** В данной «Записке» под «турками», в соответствии со словоупотреблением того времени, понимаются тюркские народы. — *Примеч. ред.*

что хивинский историк даже бухарское войско называет таджицким. Таджицкий язык был не только государственным языком не только Бухарского ханства, но также (после 1920 г.) Бухарской Народной республики.

Этнографическая граница между иранцами и турками более всего нарушалась переходом турок к оседлости. Иранское земледельческое население постепенно вытеснялось турецким из равнин в горы, причем этот процесс, который один из местных знатоков Средней Азии наивно объяснял «тяготением к горам» как «одной из характерных национальных черт таджиков»¹, особенно подвинулся вперед в XIX в. Такое размещение населения (таджики в горах, узбеки на равнине) отразилось и на политических условиях (сохранение в горах, хотя далеко не везде, иранских шахов вместо узбекских беков), и на размежевании 1924 г., хотя политическая жизнь Бухарского ханства сравнительно мало отразилась на новых образованиях; как Гиссар, политический центр обширного края с XV до XIX веков, сделался теперь одним из «туменов» Дюшамбинского вилайета. С общими условиями распределения народов связано также преобладание таджицкого элемента в верховьях притоков Амударьи, узбекского в их низовьях. В противоположность равнинам, в горных долинах иногда происходило усиление иранского населения за счет турецкого; как есть основание полагать, что в Каратегине (ныне Гармский вилайет) киргизы и узбеки отчасти приняли язык таджиков.

Помимо земледелия, турки иногда переходили также к торговле и городской жизни, частью добровольно, частью по ханскому распоряжению; так, в основанный монгольскими ханами в конце XIII века Андижан были переведены турки из разных племен и родов, и в конце XV в. Андижан считался в Фергане турецким городом по преимуществу. В городах южной части Средней Азии, начиная с бассейна Зерафшана в общем, до русского завоевания преобладал иранский элемент, и только при русских сделал значительные успехи, напр. в Самарканде, процесс отуречения. По общим принципам размежевания судьба городов, каков бы ни был состав их населения, решается в зависимости от преобладания того или другого этнографического элемента в прилегающей к городу местности.

Вполне естественно, что под влиянием общей европеизации Востока усвоенные из Европы принципы иногда сказываются сильнее местных традиций, и нет никакого основания, как это иногда делается, подвергать факты местной истории искажению или искусственному толкованию, чтобы найти в них оправдание для проводимых в настоящее время перемен.

В. Бартольд

О «ЗАПИСКЕ» АКАД. В. В. БАРТОЛЬДА

Публикуемая «Записка» В. В. Бартольда представляет интерес с разных точек зрения. Прежде всего, этот документ интересен тем, что в нем есть. Крупнейший знаток истории и культуры народов Средней Азии, Бартольд в достаточно категоричной форме возражает против политико-административного предела Средней Азии по национальному принципу. В качестве главного аргумента он ссылается на то обстоятельство, что национальный принцип чужд местным историческим традициям, не играл заметной роли в политической жизни региона и отдельных государственных образований. В конце «Записки», словно предвидя полную идеологизацию исторических наук, Бартольд высказывается против искажения и произвольного толкования истории в угоду политической конъюнктуры.

Для современного читателя, во всяком случае для востоковеда, ничего сенсационного в этих соображениях нет. Поэтому самое интересное в «Записке» — это ее подтекст, мысли, которые, судя по содержанию документа, ученый стремился в максимально простой форме и в то же время осторожно объяснить большевикам, претендовавшим в национальных окраинах на «бремя красного человека». В работах по «национальному вопросу» В. И. Ленин использовал исключительно европейский материал, а его соратники, включая «чудесного грузина», позже наркомнаца И. Сталина, свои теоретические познания черпали из работ своего вождя. События того времени служили наглядным подтверждением ленинских построений (но не прогнозов). Под натиском национальных движений развалились Габсбургская и, на некоторое время, Российская империи; несмотря на военные усилия и политические маневры советской власти, отделились Польша, Финляндия, прибалтийские губернии. Эти события не оставляли места для сомнений относительно важности национальных устремлений. Однако в Кремле в послереволюционный период едва ли кто-нибудь имел хотя бы смутное представление о специфике Средней Азии и понимал, что национальная идентичность у населения региона была весьма слабо выражена и, так же как

¹ *Наливкин*. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913, с. 5.

и в соседних странах Азии или в средневековой Европе, заменялась представлениями о конфессиональной и цивилизационной общности и принадлежности к кровнородственным группам. Очевидно, самое разумное, что большевики могли сделать в Средней Азии, состояло в том, чтобы делать как можно меньше. Это и пытался объяснить им В. В. Бартольд.

Обращает на себя внимание тот факт, что в «Записке» лишь вскользь, да и то в связи с отдаленными временами, упомянут ислам. Наивно было бы делать вывод, что Бартольд недооценивал роль ислама в истории, политической жизни, развитии культуры народов Средней Азии. Очевидно, ученый преднамеренно избегает экскурса в область, преданную анафеме, чтобы не дать повода воинствующим безбожникам усилить свое атеистическое усердие. Если это так, то худшие опасения Бартольда скоро оправдались.

Его голос остался неслышанным. Авторитарный, а позже тоталитарный режим всегда прислушивался только к тем, кто заранее угадывал намерения высшего руководства или, по крайней мере, умел обстоятельно обосновать правильность политики партии и указаний ее основоположников.

Судя по «Записке», Бартольд понимал, что новые правители поспешили с национально-территориальной реорганизацией Средней Азии. Возможно, этот вопрос возник бы позже, по мере этнической консолидации отдельных групп, и соответственно потребовалось бы внести какие-то, едва ли сходные с нынешними границами, изменения в политическую карту региона. Проведенная в колониальном стиле реорганизация в определенной мере ускорила процессы этнической консолидации, но в то же время имела и отрицательные последствия для народов Средней Азии. Резкое снижение роли Хивы, Бухары, позже — Самарканда и других городов как политических и культурных центров, ломка всей системы исторически сложившихся взаимосвязей, издержки национальной кадровой политики и другие последствия создания «национальных» псевдореспублик по европейскому образцу прервали естественный путь развития, создали новые узлы напряженности и конфликтов, существенно замедлив процесс формирования гражданского общества. Но это было только начало бедствий, постигших этот древний край и его жителей по ходу строительства социализма, затем коммунизма, потом отката к «развитому» социализму и далее — к рыночной экономике, иными словами, к капитализму.

В. В. Бартольд в свое время советовал руководителям не вмешиваться в дела, в которых они ничего не смыслят. Это предостережение актуально и сегодня.